

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: Пекин. (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: письма XXXI-XXXII, 2 марта, 27 мая/7 июня 1841 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 8. С. 202–240 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

XXXI.

Пекинъ. 2-е марта 1841 г.

Спѣшу воспользоваться неожиданнымъ случаемъ написать вамъ хоть нѣсколько строкъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Наша переписка такъ рѣдка, что нужно дорожить и минутою возможности для того, чтобы обмѣняться вѣстями о себѣ. Такое постное начало моего письма уже заранѣе можетъ вамъ показать, что вы здѣсь прочитаете не болѣе двухъ словъ: я живъ и здоровъ...

Пять мѣсяцевъ, какъ я уже вступилъ въ кругъ собственно Пекинской жизни; болѣе полгода, какъ я разстался съ матушкою Русью! Какъ медленно текло это время и какъ скоро прошло оно, когда я оглянулся назадъ! Еще два мѣсяца съ нѣсколькими днями и—старая миссія, какъ перелетныя птицы, вереницею съ юга полетитъ на сѣверъ, и въ продолженіи десяти лѣтъ намъ не удастся даже и обонять Русскаго духа! Тогда жизньъ наша совершенно приметъ характеръ отшельничества и будетъ вполне гармонировать съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ мы живемъ; въ нашемъ подворьѣ воцарится монастырская тишина и безмолвіе, которое теперь нѣсколько нарушается многолюдствомъ. Я уже заранѣе приучаю себя къ уединенію; какъ пустыльникъ, живу одиноко въ своей кельѣ и только выхожу въ садъ, чтобъ подышать живымъ воздухомъ и, какъ рыбы зимою, надышавшись у проруби, снова спѣшать въ глубь, такъ и я опять скрываюсь въ своей комнатѣ. Не спрашивайте меня о Пекинѣ,—я самъ еще мало его знаю.

Вонючая атмосфера; грязныя или пыльныя улицы; куча народу, отъ котораго несетъ самымъ злымъ чеснокомъ, самымъ гадкимъ табакомъ; неспособныя повозки, въ которыхъ можно зубы растерять; азіатское перяшество; безвкусіе: все это такъ непріятно поражаетъ насъ, что мы съ охотою остаемся въ своемъ подворьѣ, которое напоминаетъ намъ и родину святую, и Европейскую жизнь, и которое среди этого вонючаго міра представляется для насъ маленькимъ земнымъ раемъ. За то здѣшняя природа съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе прввлекаетъ меня. Въ то время, когда вы кутались отъ тридцати-градусаго морозу, я свободно и легко дышалъ при нѣсколькихъ градусахъ тепла. И зимою здѣсь воздухъ павѣваетъ весеннею свѣжестію, а въ моихъ комнатахъ вы уже нашли бы лѣто. Душистый нарциссъ, какъ жасминъ, разливалъ вокругъ себя самое пріятное благовоніе; цвѣтной персикъ, цзюй-хуа, бѣлая душистая сирень, — южныя розы придавали моимъ скромнымъ комнатамъ такую красу, какою въ это время никто не наслаждается у насъ на сѣверѣ. Цвѣты теперь доставляютъ мнѣ единственное наслажденіе... Теперь уже наступаетъ весенняя пора — время для садовыхъ работъ. Я уже посѣялъ въ ящикахъ и горшкахъ нѣсколько сѣмянъ и уже нѣкоторыя сѣмена стали пускать ростки: если Богъ благословитъ мои труды, если всѣ сѣмена хорошо примутся; то у меня будетъ болѣе 200 сортовъ цвѣтовъ, не говоря о Китайскихъ. Мои комнаты на будущій годъ превратятся въ оранжерею. Какъ я жалѣю, что въ Россію не имѣлъ средствъ ознакомиться съ Ботаникою!.. Ботаника имѣетъ весьма много увлекательнаго; и занятія этой наукою, при условіяхъ нашей жизни, доставляютъ весьма много полезнаго и пріятнаго развлеченія. Пынѣшнюю весною я думаю отправиться въ Горы — верстъ за 30, 60 и можетъ быть далѣе отъ Пекина. Хочется умножить свой Гербарій, которому положено начало въ Монголіи.

Начинаю лепетать по-китайски и ломать свой языкъ по всѣмъ правиламъ здѣшней тонистики. Съ новаго году приступилъ къ книжному языку. Между разговорнымъ и книжнымъ языкомъ такая же разница, какъ между небомъ и землею, а безтолковые знаки безпрестанно путаются въ головѣ. Каждый день бываетъ у меня Китайскій или Мань-

чжурскій учитель поочередно, и отъ 9 до 12 я съ ними провожу свое время, исключая хао-жи-цзы, т. е. праздниковъ. По маньчжурски у меня теперь подъ рукою Сисянь (и даже занимаюсь ею),—одна изъ извѣстныхъ здѣшнихъ драмъ; „Западный флигель“. Не знаю, почему Европейцы такъ хлопочутъ объ ней. Жульень, тотъ самый, что перевелъ во Франціи Лао-цзы, нарочно просилъ чрезъ наше министерство этого сочиненія, и ему высылается одинъ экземпляръ; у меня также есть собственный и, кажется, лучший экземпляръ, хотя и письменный. Посмотримъ, что это за сочиненіе? Стоитъ ли оно особеннаго уваженія? Можно ли что нибудь дѣлать? Если это сочиненіе сколько нибудь хорошо, то я не думаю отступить отъ него....

Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отъ васъ письма, которое, выражаясь по восточному, будетъ для меня моремъ новостей, знанія и премудрости! Пекинъ стоитъ не на землѣ, а подъ землею, вопреки всѣмъ Географіямъ; сюда не долетаетъ ни одна вѣсточка изъ вашего міра: каково же наше положеніе! Мы знаемъ, что вы, по желѣзной дорогѣ, во весь опоръ летите впередъ; а мы, бѣдные, привязаны къ столбу, который указываетъ дорогу не впередъ, а назадъ. Я ужасно томлюсь отъ этого любопытства: сколько, можетъ быть, у васъ новостей! Наше болото, въ которомъ мы живемъ вмѣстѣ съ Епикуровыми мудрецами, слишкомъ застоялось, загнило, не способно къ новой жизни. Что было хорошаго, и то заброшено грязью. Сколько трудовъ и терпѣнія нужно, чтобъ разрыть соръ и въ навозѣ найти алмазь.

XXXII.

Къ родителямъ и брату вмѣстѣ.

Пекинъ. 1841 года $\frac{27 \text{ мая}}{7 \text{ іюня}}$

Я получилъ, прочиталъ, выучилъ ваши письма, которыхъ такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ! Опять на меня повѣялъ родной воздухъ! Кровь хлынула къ головѣ; сердце забилося, какъ въ лихорадкѣ и—слеза радости и благодарности упала на ваши дорогія строки. Письмо ваше, какъ Ангелъ благовѣстія, слетѣло въ мою юдоль и старыя вѣсти были еще такъ свѣжи и живительны, какъ

дыханіе Пекинской весны. Нынѣшняя почта доставлена была къ намъ очень медленно; мы изнывали отъ нетерпѣнія. Наконецъ, 21 апрѣля принесенъ былъ пакетъ и весь день у насъ прошелъ въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи. Сколько новаго мы узнали въ одинъ часъ! И какая жизнь кипитъ въ Европѣ! Для насъ, которые удалены отъ всеобщаго круговорота, очень замѣтна перемѣна; въ Китаѣ же даромъ уважается черепаха,—это эмблема ихъ жизни.

Я теперь хочу перейти къ самому себѣ и своими вѣстями отвѣтить на ваши; только не удивляйтесь, что мое писъмо будетъ походить на рисовую Китайскую кашу, въ которой перемѣшанъ горохъ съ грибами и всякая всячина.

Благодаря Бога, я живъ и здоровъ; день ото дня мужаю и старѣю и, кажется, толстѣю. Жалко, что нашъ живописецъ теперь очень занятъ, а то я съ нынѣшнею же почтою имѣлъ бы честь представить вамъ свою образину, съ бритымъ лбомъ и затылкомъ, съ скромными черными волосами, надающими на самыя плеча, съ крѣпкимъ загаромъ на щекахъ,—остаткомъ моего путешествія въ сѣверныя горы. Косы еще не заплетаютъ, по вольности дворянства, но несостоятельности своихъ волосъ и, наконецъ, по обыкновенной своей небрежности; но въ случаѣ нужды приплетаю себѣ чужую. Не повѣрите, какъ мнѣ досадно расчесывать каждый день свои волосы, густые какъ войлокъ, вьющіеся, какъ хмѣль, жесткіе, какъ щетина, и каждую пядлю скоблить Китайскимъ пожемъ свой затылокъ, лобъ, шею, щеки и даже въ ушахъ. Надобно имѣть терпѣніе и терпѣніе, чтобы наконецъ привыкнуть къ операціямъ Китайскаго цирюльника. И что за женская манера сидѣть часа полтора за уборомъ своей головы и косы? То ли дѣло Русь Православная, гдѣ волосы стригутъ въ кружокъ и цѣлую недѣлю можно обойтись безъ гребенки, или по крайней мѣрѣ въ случаѣ нужды замѣнить ее своимъ родными пятью пальцами! Раздѣлавшись съ своєю головою, вы должны еще позаботиться о своемъ туловищѣ, вы должны еще опредѣлить, въ какое платье приличнѣе завернуть грѣшное ваше тѣло: въ больше шерстное ли, средне-шерстное, мелко-шерстное-ватное, суконное, подкладное, безподкладное, флеровое, или просто холщевое, надѣть мѣховую и суконную большую шапку, сдѣланную въ видѣ сѣдла, или маленькую шелковую, похожую на

нашу скуфью съ кистью крученаго, краснаго шелку, падающею на ваши плеча, или соломенную, сдѣланную въ видѣ воронки;—сапоги, или башмаки; кафтанъ, или рубашку, и проч. и проч. Въ Китаѣ все это дѣлается не по прихоти, или нуждамъ частныхъ людей, но по постановленіямъ, утвержденнымъ правительствомъ. Императоръ издаетъ указъ и вдругъ вся поднебесная Имперія, начиная съ министра и оканчивая поденщикомъ, перемѣняетъ шапку и перемѣняется изъ мѣховаго платья въ подкладное или холщевое. Теперь въ маѣ мѣсяцѣ, когда у насъ, не смотря на то, что нынѣ прохладное лѣто, жаръ достигаетъ уже до 25° по Реомюру въ тѣни, мы уже ходимъ въ безподкладныхъ шелковыхъ кафтанахъ, безъ поясовъ, даже безъ шапокъ, вмѣсто которыхъ употребляемъ вѣера, закрывая ими голову и помахивая себѣ въ лице. Скоро надѣнемъ однѣ бѣлыя полотняныя рубашки и больше ничего; а когда я буду оканчивать письмо, тогда вашъ покорнѣйшій слуга едва-едва не будетъ ходить въ одной патурѣ. Китай есть самое законное и потому самое беззаконное государство. Все опредѣлено уставомъ и приличіями. Здѣсь каждому предписано, въ какой повозкѣ, съ какимъ сѣдломъ,—большимъ или малымъ, вы должны выѣзжать въ городъ, въ какой день что именно дѣлать. Правительство ежегодно издаетъ календарь, въ которомъ всѣ дни разсортированы на счастливые и несчастливые; съ подробностію означено, когда можно удачно торговать, жениться, покупать домъ, хоронить покойниковъ, приносить жертвы и проч. Согласитесь сами, что мы теперь опутаны этими десятью тысячами церемоній, какъ рыбы неводомъ, и при всей своей свободѣ, какъ иностранцы, иногда сообразуемся съ здѣшними гуйцзюями, т. е. приличіями. Согласитесь также, что такіе пустяки, кромѣ скуки и досады, не доставляютъ больше никакого удовольствія. Еще не знакомые хорошо ни съ здѣшними обычаями и церемоніями, ни съ здѣшнимъ языкомъ, мы поневолѣ стараемся и жить болѣе въ четырехъ стѣнахъ, какъ можно болѣе изолируя себя отъ вонючаго китайскаго міра. Только люди самые нужные имѣютъ доступъ къ намъ, и мы странствуемъ только изъ одного дворя въ другое, или выѣзжаемъ на нѣсколько часовъ изъ города, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Но и эти

удовольствія, при условіяхъ настоящей жизни, столько необходимыхъ для здоровья и духа, покупаются дорогою цѣною. Нѣсколько верстъ нужно тянуться по самымъ или узкимъ, или населеннымъ улицамъ, гдѣ вонь, духота, нечистота, толпы оборванныхъ, отвратительныхъ нищихъ; кучи народа, тотчасъ угадывающаго въ васъ иностранца, осаждаютъ васъ вмѣстѣ съ самою ѣдкою и вредною пылью, которая проникаетъ во всѣ поры вашего тѣла; прибавьте къ тому всю гадость и тряскость здѣшнихъ повозокъ, — и для васъ будетъ понятно, почему мы сидимъ въ четырехъ углахъ своихъ и знаемъ о городской жизни только по шуму и крику, долетающему къ намъ изъ-за ограды подворья.

При такомъ образѣ жизни, не мудрено, что и мрачная мысль и грустное чувство невольно закрдутся въ голову и сердце. Првзнаюсь откровенно, что бываютъ минуты, когда грусть и тоска распоряжаются мною, какъ полные хозяева, и, по праву своего хозяйства, зазываютъ къ себѣ въ гости одну самую близкую для себя и самую ненавистную для меня подругу свою—хандру. Невольно вздумаешь и раздумаешься о быломъ, и съ другой стороны—невольно плюнешь на все окружающее. Но не безпокойтесь: такія минуты слишкомъ скорбныя приходятъ только въ праздники и торжественные дни; запросто опѣ не являются, а такъ немножко погрустить, поскучать, а иногда и выронить слезу—даже и необходимо; хоть правда, слезы счастья не прибавятъ, но сердцу легче будетъ. Здѣсь такъ мало предметовъ, дѣйствующихъ на духъ и сердце, что невольно страшишься зачерствѣть и высохнуть, какъ здѣшняя глиняная почва во время жаровъ. Нужно самому себя возбуждать къ внутренней дѣятельности, изъ себя извлекать пищу для себя, однимъ словомъ: подражать верблюду, который во время голода питается прежнею пищею. Хотя сравненіе и не слишкомъ благородно, однакожъ въ высшей степени справедливо. Часто бываешь радъ и тому, что чувствуешь, не разбирая того, каково это чувство, благотворно ли оно дѣйствуетъ на духъ. Повѣрьте, что здѣсь несравненно благотворнѣе иногда и погрузѣть и потосковать, нежели быть совершенно спокойнымъ. Вотъ почему вы не должны слишкомъ безпокойться, если когда нибудь получите отъ меня письмо, переполненное скорбію. Еще въ утѣшеніе себѣ,

представьте себѣ и то, что такое страдальческое состояніе духа, которое такъ рѣзко выразилось въ моемъ письмѣ, было назадъ тому уже полгода; слѣдов., сколько перемѣнъ могло произойти въ моихъ чувствахъ! Можетъ быть въ то самое время, когда вы читаете мои грустные строки, я нахожусь въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Какъ бы то ни было, а заключеніе одно: вы должны весьма спокойно читать мои письма, хотя бы они прежде, нежели дойдутъ къ вамъ, и были выкупаны въ слезахъ....

Надобно правду сказать, что здѣшняя жизнь однообразна до невозможности, скучна и утомительна; причины тому очень понятны. Я до сихъ поръ еще не привыкъ къ своему положенію. Міръ русскій и міръ китайскій,—это два полюса; и если мы, какъ магнитныя стрѣлки, непрестанно влечемся къ сѣверу, то, очевидно, намъ никогда не понравится югъ. Только здѣсь каждый изъ насъ попялъ и оцѣнилъ, что такое родина и любовь къ родинѣ. Чѣмъ болѣе живемъ въ этой необыкновенной странѣ, чѣмъ ближе присматриваемся къ нравамъ и характерамъ здѣшнихъ жителей, тѣмъ далѣе становимся отъ этой толпы, съ которой никогда не свыкнешься и не сроднишься, тѣмъ въ болѣе яркихъ и привлекательныхъ чертахъ рисуется русская жизнь. Какое ужасное разстояніе между простодушіемъ, благородствомъ, искренностію, расположенностію русскаго и пронырливостію, лукавствомъ и эгоизмомъ китайца! Вотъ первыя впечатлѣнія, какія оставили въ душѣ моей первые дни здѣшней моей жизни; всегда ли точно также я буду смотрѣть на окружающій меня міръ, время рѣшить этотъ вопросъ и вмѣстѣ покажетъ степень истинности моихъ первыхъ заключеній. Разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія, что есть и между китайцами люди истинно добрые, которыхъ я по крайней мѣрѣ не встрѣчалъ еще, и что въ нашей жизни есть удобства своего рода. Можетъ быть, никогда въ Россіи не удалось бы мнѣ пользоваться такою свободою въ своей домашней жизни и въ своихъ занятіяхъ, какъ теперь. Здѣсь я полный владыка самого себя и въ своей комнатѣ я независимѣе самого Богдыхана. Со всѣхъ сторонъ кубически и квадратно окруженный уединеніемъ, я могу наслаждаться всѣми выгодами тихой, скромной кабинетной жизни и безъ помѣхи и зазрѣнія совѣсти глотать,

сколько угодно, священную пыль различныхъ фоліантовъ на различныхъ языкахъ. Я увѣренъ, что въ этомъ отноше- нии ни одинъ бы преосвященный не нашелъ лучшаго мѣста для семипаріи, какъ нашъ Срѣтенскій Пекинскій монастырь. Окруженные со всѣхъ сторонъ садомъ, мы очень важно про- гуливаемся по галереямъ нашихъ зданій и, какъ древніе академики, зѣваемъ, смотря на все свысока.

30-е мая. Теперь, когда все еще подворье наше на- полнено живымъ и движущимся народомъ, наше затворни- чество иногда нарушается различными приливами и отли- вами людей. Но, странное дѣло!—наши собранія и вече- ринки всегда носятъ на себѣ какой-то мрачный и тяжелый характеръ: это пародія на русскую жизнь и русскую весе- лость! Одни вспоминаютъ о старомъ, другимъ хочется ско- рѣе воротиться на родную сторону и мечтаютъ о будущемъ; по нѣтъ ничего общаго, чтобы соединило всѣхъ и для всѣхъ было пріятно: отъ того намъ все это такъ наскучило, что мы наконецъ отказались отъ всѣхъ вечеровъ и вечери- нокъ. Вѣроятно, что впоследствии, когда останемся мы одни, прекратится такая разногласица, потому что всѣ мы жи- вемъ подъ одними условіями, и у всѣхъ будутъ одинаковы радость и горе. Мы еще такъ молоды и живы, что не при- выкли къ разрозненной жизни. Общественное воспитаніе, удивительно, какъ располагаетъ къ общежитію. Въ нашей жизни ничего не осталось академическаго, но духъ студен- ческій, со всѣми его прекрасными чертами и достоинствами, еще господствуетъ въ нашемъ маленькомъ обществѣ, хотя обстоятельства мѣста и жизни измѣнили многое въ насъ. Дай Богъ, чтобы всегда царствовалъ духъ того братства, который такъ тѣсно связалъ насъ еще въ стѣнахъ академіи! Нельзя себѣ представить, какъ необходимо здѣсь такое еди- неніе и какія мелочныя обстоятельства, которыя въ другомъ мѣстѣ никогда бы не обратили на себя никакого вниманія, могутъ здѣсь тревожить духъ. Въ этомъ отношеніи здѣш- няя жизнь такъ несносна и горька, что по неволѣ десяти- лѣтнее пребываніе въ Пекинѣ считаемъ какимъ-то тяж- кимъ испытаніемъ и самый Пекинъ представляется хуже чистилища. Впрочемъ я это говорю не на основаніи своихъ опытовъ, но по опытамъ, горькимъ и тяжкимъ, прежней и прежнихъ миссій. Пусть прошедшее не возвращается и для

новыхъ начнется новая жизнь! Если бы Богъ благословилъ прожить намъ здѣсь 10 лѣтъ точно такъ же, какъ мы провели первые 10 мѣсяцевъ своей заграничной жизни: то велика бы была милость Его и мы спокойно возвратились бы изъ этого мрачнаго и скорбнаго мѣста. Я пишу вамъ нарочно о своемъ положеніи такъ подробно и такъ искренно, чтобы вы объ немъ имѣли самое вѣрное понятіе и чтобы ваши опасенія и сожалѣнія не варисовали уже нашей жизни въ слишкомъ мрачной картинѣ. Одно здѣсь слишкомъ невыгодно: и неизбѣжное неудобство это—невозможность получать ваши письма и въ замѣнъ пересылать вамъ свои...

Не думайте, что мы приросли къ своему подворью, какъ грибы къ старому пню, и не двигаемся болѣе ни съ мѣста. Долго ждалъ я вашего письма и потому не смѣлъ ни на одинъ день отлучиться изъ душнаго Пекина; за то на другой же день, по полученіи почты, я уже ночевалъ въ кумирнѣ *драконова* колодца, которая находится въ сѣверныхъ горахъ, лежащихъ въ 70 китайскихъ верстахъ стъ столицы. На вершинахъ каменныхъ скалъ, вдали отъ васъ, я мечталъ и думалъ только о васъ; предо мною открывалась въ самыхъ живописныхъ видахъ Чжилійская равнина, вся покрытая зеленью полей и плодовыхъ деревьевъ; за мной возвышались дикія горы, которыя каменною стѣною своею отдѣляютъ Китай отъ Монголіи и которыя своимъ ужаснымъ величіемъ стоятъ въ прекрасномъ контрастѣ съ мирной долиною. Кумирня стоитъ у самой подошвы горнаго хребта и на самомъ прекрасномъ мѣстѣ: она примкнула къ одной каменной скалѣ, которая непроницаемымъ щитомъ нависла надъ нею и хранитъ ее отъ сѣверныхъ бурь и непогодъ; вокругъ и внутри—различныя деревья, вѣчающіяся своею зеленью; внизу бьютъ ключи чистою прохладвою водою и образуютъ огромный бассейнъ, изъ котораго течетъ небольшая рѣчка и проведены во всѣ стороны различныя каналы для орошенія плантацій съ рисомъ и фруктовыми деревьями. Здѣсь, подъ тѣнію деревъ, пользуясь самымъ здоровымъ горнымъ воздухомъ, я прожилъ около 8 дней. Въ Китаѣ путешественникъ нигдѣ не можетъ найти лучшаго и покойнаго пріюта, какъ въ кумирняхъ, которыя по большей части занимаютъ самыя лучшія мѣста. Хэшанъ съ радостію принимаетъ носѣтителей, въ надеждѣ хорошей платы. Цѣль

моего путешествія была собрать растенія здѣшнихъ мѣстъ. Осмотрѣвши ближайшія горы, прилежавшія къ кумирнѣ, я отправился во внутренность самыхъ горъ и былъ на Иншани, отстоящей отъ главной моей квартиры въ 30 кит. ли. Мѣсто необыкновенно дикое; жилья весьма мало; горы со всѣхъ сторонъ. Взобравшись на самую верхушку Иншани, я видѣлъ только небо и горы, которыя, въ видѣ сахарныхъ головъ, торчали у моихъ ногъ. Здѣсь я увидѣлъ опять великую стѣну, которая какъ бѣлая лента вилась по горному хребту, въ двадцать ли разстоянія и напомнила мнѣ тѣ счастливыя времена, когда я не думалъ ни о горахъ, ни о чужбинѣ, ни о великой стѣнѣ. Не знаю, грустныя ли мысли, или самое мѣсто были тому причиною; только я такъ соскучился въ этой, хотя и величественной, но удивительно дикой, пустынѣ, что едва могъ переночевать. Приютъ мой былъ въ старой кумирнѣ, которая во времена Минской династїи, была одною изъ самыхъ знаменитыхъ во всѣхъ окрестностяхъ Пекина. Но теперь она была оставлена совершенно безъ вниманія и походила на древнее разрушенное аббатство, только старыя, едва не падающія, башни еще напоминали о прежнемъ величїи. Во всемъ монастырѣ нашлась одна маленькая комната, величиною въ квадратную сажень; здѣсь, подъ разрушенною кровлею, я, утоливши голодъ своими сухарями и горными кореньями, принужденъ былъ расположиться посреди двухъ хэшановъ, отъ которыхъ ужасно воняло чеснокомъ; къ довершенію моей досады, одинъ изъ нихъ ужасно скрежеталъ зубами и не далъ мнѣ покою во всю ночь. Съ радостію я оставилъ это угрюмое мѣсто при самомъ первомъ появленіи разсвѣта и поспѣшилъ воротиться въ главную квартиру свою. Дорога наша шла по горнымъ хребтамъ, гдѣ не было никакого проѣзда для тяжестей; я ѣхалъ на лошади, которая непрестанно спотыкалась о камни. За мною ѣхалъ мой слуга на мулѣ; все шествіе окончивалось хэшаномъ, возсѣдавшимъ на вьючномъ ослѣ. Съ горя я затянулъ родную пѣсенку; хэшанъ распѣвалъ во все горло: омъ-ма-ни-бат-Мэ-хомъ; о-ми-то-фо; слуга дремалъ и качался на своей лозѣ; всѣ думали объ иномъ, чувствовали разное; но солнышко пекло всѣхъ равно и всѣ одинаково утомились, и наши бѣдные скоты, понуря головы, шли самымъ воловьимъ

шагомъ. Удивительно, какъ мнѣ наскутила одинокая горная жизнь. Едва только пришли изъ города наши повозки, какъ я поспѣшилъ возвратиться въ Пекинъ.

На возвратномъ пути я купался въ минеральныхъ горячихъ водахъ, которыя отстоятъ въ десяти Русскихъ верстахъ отъ кумирни. Танъ шанъ, — такъ называется это мѣсто, — принадлежитъ Богдыхану; здѣсь, въ огромномъ саду, находятся два огромные бассейна, гдѣ бьютъ горячіе ключи и откуда проведена вода во всѣ ванны. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ жилище Императора, которое, и по своему величію и по своей простотѣ, достойно своего владыки. Дворецъ и садъ со всѣми принадлежностями были построены дѣдомъ нынѣшняго государя—Цянь луномъ и съ его времени оставленъ въ запустѣннѣ; потому-то мы и могли осмотрѣть все, что намъ угодно было. Китайцы мастера подражать природѣ: прогуливаясь въ саду, вы забываете, что онъ сдѣланъ руками человѣка; вы видите озера, наполненныя неюфарами; горки и скалы—какъ будто они созданы были самою природою; дорожка ведетъ васъ или въ темный лѣсъ, гдѣ можете скрываться отъ сильныхъ палящихъ лучей солнца, или долину, гдѣ предъ вами стелется бархатная зелень луговъ, или вы взбираетесь на горки и скалы, съ которыхъ открывается удивительный видъ на сѣверныя горы; тамъ и здѣсь разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ вычурныя бесѣдки и мостики, которые, кажется, готовы разрушиться подъ вашими ногами. Въ саду множество зданій, которыя, по своей архитектурѣ ни чѣмъ не отличаются отъ общей формы и въ которыхъ помѣщается Императоръ съ Императрицею, и съ другими жснами, съ принцами и со всею свитою. Каждый домикъ имѣетъ свой маленькій дворъ и нѣкоторые даже садикъ. Комнаты Императора и Императрицы по отличаются великолѣпіемъ, но все сдѣлано въ нихъ изъ дорогаго дерева и со вкусомъ. На другой половинѣ сада построены купальни, гдѣ каждое, болѣе важно лице, имѣетъ свою ванну. Здѣсь и мы купали свои грѣшныя тѣла. Въ самомъ бассейнѣ вода горячѣе 40 градусовъ; въ ваннахъ, въ которыхъ мы купались, она была не холодна: въ одной 32, въ другой 35 град.; я купался въ легчайшей, и въ ней едва тѣло сносило жаръ. Ванны устроены чудесно. Подлѣ комнаты, гдѣ вы купаетесь, есть еще

другая для освѣженія послѣ мытья. Въ садъ пускають купаться не многихъ; въ числѣ ихъ были и мы. Для людей неважныхъ устроены ванны внѣ ограды, но мы, какъ иностранцы, пользовались правомъ войти въ самую внутренность. Здѣсь есть и холодныя ванны, но онѣ засорились и потому въ нихъ нельзя было купаться. Осмотрѣвъ достопримѣчательное, я отправился въ дорогу и вечеромъ былъ уже на своей родной койкѣ. Признаюсь, въ этотъ разъ мнѣ поправился и душный Пекинъ... Сердцу легче и отраднѣй стало въ кругу своихъ; а что бы почувствовало это бѣдное сердце, если бы оно какую нибудь силою вдругъ перенесено было на берега родные!...

Отдохнувъ дома и приведши въ порядокъ свой Гербарій, я опять пустился странствовать съ двумя своими сотоварищами по миссиі... Цѣль нашей поѣздки была самая простая: взглянуть на Ши-сань-Лицъ, — на тринадцать кладбищъ Минской династіи, которую смѣнилъ пыщъ господствующій Маньчжурскій домъ. Жилище мертвыхъ царей мнѣ болѣе понравилось, нежели дворцы живыхъ. Кладбища отстоятъ отъ Пекина болѣе, нежели во ста верстахъ Китайскихъ; дорога большею частію почти та самая, которою мы вѣзжали въ столицу. Съ восходомъ солнца мы выѣхали изъ подворья, но не раньше 4-хъ часовъ за полдень были у подошвы тѣхъ горъ, гдѣ расположены кладбища. Онѣ находятся въ одной огромной лощинѣ сѣверо-западныхъ горъ, обнесенной съ четырехъ сторонъ зубчатыми стѣнами горъ, и не вдали отъ знаменитаго ущелія Гуанъ-гоу, о которомъ я писалъ уже вамъ. Здѣсь, какъ сватыня, закрытая отъ взоровъ человѣка, онѣ разбросаны по скаламъ горъ, и подошвамъ скалъ. Еще не доѣзжая десяти верстъ до самыхъ кладбищъ, огромныя тройныя ворота, сдѣланныя изъ огромныхъ цѣльныхъ плитъ бѣлаго здѣшняго камня, который весьма походитъ на мраморъ (и едва ли не особенный его видъ), съ одной стороны приуготовляютъ васъ къ чему-то великому, съ другой уже служатъ преддверіемъ къ этой необыкновенной усыпальницѣ. Подвинувшись впередъ версты на двѣ, предъ вами другія ворота, сдѣланныя изъ кирпича, на подобіе огромнаго дома, съ тремя огромными проходами. Еще версты двѣ и предъ вами третьи ворота, построенныя въ видѣ весьма красивой башни, ко-

торая была бы украшеніемъ и у насъ; вокругъ ея стоятъ, какъ стражи, 6 столбовъ и составляютъ прелестную группу. Миновавши ихъ, предъ вами открывается странное и вмѣстѣ величественное зрѣлище: на пространствѣ версты и даже болѣе тянется галлерей животныхъ и людей, которые стоятъ въ благоговѣйномъ молчаніи и охраняютъ тишину этого единственнаго мѣста. Львы, баснословные тигры, верблюды, лошади, слоны, стражи, чиновники—все здѣсь есть. Большая часть сдѣлана изъ бѣлаго камня; другіе изъ дикаго; людей всѣхъ по парѣ; животныхъ каждаго по двѣ пары, изъ которыхъ одна представлена въ лежачемъ положеніи, а другая въ стоячемъ; всѣ фигуры изваяны изъ цѣльныхъ камней и вдвое противъ обыкновеннаго росту; сами себѣ можете представить, каковы должны быть монолиты для того, чтобы представить слоновъ вдвое противъ естественной величины: нѣкоторые изъ нихъ, особенно лежачіе верблюды, сдѣланы весьма отчетливо. Какихъ трудовъ и какихъ издержекъ стоитъ такая галлерей, которая создана однѣми руками человѣка, безъ пособія машины и науки! Только Китай, переполненный народонаселеніемъ, можетъ созидать такіе памятники. Отсюда дорога, высланная огромными плитами, начинаетъ подниматься на гору, скрываясь въ тѣни персиковъ и грушъ, изъ-за которыхъ вдали мелькаютъ самыя зданія главнаго кладбища. Непримѣтно поднявшись на высоту, предъ вами стелется площадь, гдѣ расположенъ садъ, въ которомъ покоятся останки втораго Императора Минской династіи, перенесшаго свою столицу изъ Нанкина въ Пекинъ. Площадь обнесена стѣною, примыкающею къ самымъ горамъ, и раздѣлена на два двора. Первый изъ нихъ служитъ какъ бы преддверіемъ, во второмъ построена та торжественная зала, въ которой приносятся жертвы духу умершаго Императора.—Я здѣсь не видалъ ничего величественнѣе и громаднѣе этого зданія; у насъ въ Европѣ оно могло-бы быть восьмымъ чудомъ, котораго у насъ такъ отыскиваютъ и не могутъ найти. Подъ стѣною вѣковыхъ, исполинскихъ дубовъ, бѣлокорыхъ кедровъ и вѣчно зеленыхъ Бай-шу-здѣшнихъ кипарисовъ возвышается огромное зданіе, имѣющее форму правильнаго параллелограмма; огромный помостъ, вышиною сажени въ двѣ, высланный бѣлыми мраморами, обнесенный тройною оградой изъ того же камня

съ барельефною, самую причудливою, работою, ведетъ во внутренность его, которая образуетъ одну залу длиною въ 35 русскихъ сажень, выстланную шифованнымъ камнемъ, гладкимъ какъ паркетъ. Вступая въ этотъ храмъ, посвященный памяти Императора, вы невольно чувствуете какой-то ужасъ; предъ вами открывается огромное пространство, наполненное колоннами южнаго кедра, который составляетъ рѣдкость, можетъ быть, единственную во всемъ мѣрѣ: вообразите себѣ столбы вышиною по крайней мѣрѣ въ 6-ть сажень, одинаковой почти толстоты при своемъ основаніи и при вершинѣ, которые такъ массивны, что двое самыхъ здоровыхъ мужчинъ не могутъ объхватить ихъ! Цѣлые ряды такихъ исполиновъ, которыхъ нынѣ не могутъ уже найти во всемъ Китаѣ, наполняютъ залу: они стоятъ во всей первобытной своей красѣ, какую надѣлила ихъ мать природа, не окрашенные, не полированные, лишившіеся только одной коры своей; отъ нихъ благовонный легкій запахъ несется по всему зданію; лучи солнца, льющіеся сквозь огромныя окна, проклевывая самую прозрачную бумагою, теряются въ исполинскихъ тѣняхъ ихъ и только разливаютъ на все цѣлое какой-то полусвѣтъ и полу-мракъ, которые невольно наполняютъ душу странными чувствами, мыслями и образами; въ залѣ не слышно ни вашихъ шаговъ, ни вашихъ звуковъ; все исчезаетъ въ необъятномъ пространствѣ, какъ будто вы очутились въ царствѣ тѣней и потеряли свою матеріальность. Посреди залы возвышается жертвенникъ, на которомъ написано нѣсколько гіероглифовъ, непостижимыхъ для моего ориентализма. Предъ доскою стоятъ вазы съ курительными свѣчками, зажигаемыми при жертвоприношеніи. Вотъ все, что находится въ этомъ зданіи, но и того, что есть, довольно, чтобы назвать его единственнымъ въ своемъ родѣ. Долго мы любовались такимъ новымъ для насъ видомъ; но солнце стало уже закатываться и мы поспѣшили осмотрѣть другія принадлежности этого кладбища. За эту торжественною залою возвышается башня, по крайней мѣрѣ въ двадцать сажень, сдѣланная въ два яруса; два грота вступаютъ въ нее; въ одномъ изъ нихъ въ стѣнѣ погребень, или, лучше сказать, заштукатуренъ и закладенъ прахъ покойнаго государя; съ другой открывается пролесгный видъ на самыя горы и на прочія 12 кладбищъ, вблизи одно отъ

другого, расположенныхъ въ живописномъ безпорядкѣ по скатамъ горъ. Осмотрѣвши все кладбище, мы спокойно расположились пить чай, въ виду главнаго зданія, на мраморномъ помостѣ, подъ сѣнію вѣковаго кедра, который своими нависшими вѣтвями образовалъ благоухающій зеленый сводъ. Медленно мы впивали въ себя живительный воздухъ и ароматическое питье. Солнце уже догорѣло на западѣ, а мы не покидали еще нашего пріюта; жалко было разстаться съ такимъ прелестнымъ мѣстомъ, которое намъ удивительно понравилось. Когда мы оставили кладбище, тогда уже сдѣлалось совершенно темно, а до ночлега было еще не менѣе 10 верстъ. Проѣзжая мимо галлерей, мы снова взглянули на странные памятники, которые во мракѣ приняли видъ дѣйствительности, и наши мулы такъ пореугались, что ихъ нужно было обводить окольною дорогою, а мы принуждены были итти пѣшкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, странное ощущеніе какого-то ужаса наводятъ на души эти колоссальныя изображенія, среди пустыннаго безмолвія, повитые таинственнымъ мракомъ, въ горахъ, гдѣ легко можно встрѣтиться съ живыми тиграми и барсами. Было уже 11 часовъ ночи, когда мы подъѣхали къ городу Чанъ-пинъ-чжэу, гдѣ предположили ночевать; но, по китайскимъ законамъ, городскія ворота послѣ 8-ми часовъ или по крайней мѣрѣ послѣ заката солнечнаго должны быть заперты. Голодь насъ ужасно мучилъ, и мы готовы были рѣшиться на отчаянныя мѣры — непременно гдѣ-нибудь завоевать клочекъ мѣстечка для спанья и кусокъ хлѣба для желудка. Подъѣзжаемъ къ желѣзнымъ воротамъ города; толкнули въ двери, онѣ растворяются; тоже дѣлаемъ и съ другими, къ счастью и тѣ были не заперты и при нихъ ни одного часоваго. Итакъ, мы овладѣли городомъ и въ первомъ же трактирѣ расположились, какъ побѣдители: остатки перевареной курицы, нѣсколько кусковъ свинины и яицъ были трофеями нашей храбрости. На другой день по подошвѣ сѣверныхъ горъ добрались опять до кумирни *драконова колодца*, гдѣ не бывали еще мои товарищи. Проживши здѣсь одинъ день, мы отправились домой, заѣзжали въ Тань-шань на горячія воды, тамъ купались и наконецъ воротились подъ свою кровлю. Весь нашъ вояжъ продолжался три дня, въ продолженіи кото-

рыхъ мы объѣхали около 150 верстъ русскихъ, или нѣсколько поменьше. Последнее путешествіе, и именно Минскія кладбища, изъ которыхъ мы видѣли только главное, весьма были для меня интересны.

Надобно сказать правду, что весь Китай есть ни что иное, какъ огромное кладбище, гдѣ — тамъ и здѣсь разбросаны памятники минувшаго величія, которые ясно говорятъ, что въ этомъ государствѣ нѣкогда сильно кипѣла жизнь и что въ Китаѣ одно особенно можетъ понравиться иностранцу—это кладбища. Вѣрные идеѣ своей, что души умершихъ родителей и родственниковъ, перешедши за предѣлы гроба, становятся уже выше обыкновенныхъ людей, они смотрятъ на нихъ, какъ на духовъ-геніевъ своего рода и покровителей. Мертвый становится для живаго святымъ; по мнѣнію послѣдняго, ему нужно воздавать честь, приличную существу небесному; предъ прахомъ покойнаго онъ дѣлаетъ поклоненіе и приносить ему жертву, сожигая предъ нимъ свѣчки, которыя онъ жжетъ въ честь своего Бурхана. Согласно съ такимъ вѣрованіемъ, и самое кладбище, гдѣ покоится прахъ любимаго для него существа, уже дѣлается заветною святынею, семейнымъ храмомъ. Во дни радости и скорби онъ приходитъ на могилу умершаго и въ молитвахъ своихъ, какъ предъ существомъ живымъ, принимающимъ участіе въ судьбѣ его, онъ изливаетъ предъ нимъ все горе и радость свою. Вотъ почему каждый китаецъ считаетъ за непремѣнную обязанность сдѣлать самые великолѣпные подарки и украсить свое родное кладбище. Люди бездѣтные и богатые еще при жизни строятъ себѣ кладбища: даже бѣдный крестьянинъ надъ могилою отца своего, которая обыкновенно бываетъ или подлѣ его дома, или на его полѣ, дѣлаетъ насыпь вмѣсто надгробнаго памятника и обсаживаетъ кедромъ, или кипарисомъ. Выѣзжая изъ города, вы въ разныхъ мѣстахъ видите семейныя кладбища въ тѣни вѣчно юныхъ и зеленыхъ кипарисовъ. Надгробныя памятники здѣсь не выраженіе тщеславія и гордости, но любви и уваженія: они имѣютъ смыслъ религіозный. Это палладіумъ китаецъ, и кладбище для него не страшно, какъ для многихъ изъ насъ. Мѣсто, гдѣ покоятся предки его, становится для него роднымъ сокровищемъ, съ которымъ онъ не разстанется ни за что. Вотъ единственная черта,

которая мнѣ нравится въ китайцахъ и нѣсколько принимаетъ меня съ ними.

У нихъ много обрядовъ и при самомъ погребеніи, которые, не смотря на заблужденія ихъ, изъ которыхъ они вытекаютъ, невольно трогаютъ душу. Вотъ вамъ одинъ изъ нихъ. Разъ я возвращался изъ сѣвернаго подворья домой. Было уже по крайней мѣрѣ 10 часовъ ночи; улицы были уже пусты; кой гдѣ мелькали тѣни пѣшеходовъ, возвращавшихся домой. Подъѣхавши къ одному перекрестку, я на самой дорогѣ увидѣлъ стоящую бумажную повозку китайскую съ лошадыю и со всѣмъ приборомъ, также сдѣланными изъ того-же матеріала. Только я остановился, чтобы рассмотреть эту странность, какъ вдругъ въ переулкѣ раздалась музыка. Прошло нѣсколько минутъ и показались двое съ длинными толстыми трубами, которыя издавали томно торжественный звукъ. За ними шли еще два чело-вѣка съ рожками или флейтами и паигрывали какую-то печальную пѣсню. Имъ вторили слѣдовавшіе за ними двое съ барабанами, ударяя съ потрясающимъ трескомъ въ тактъ. Потомъ шель кто-то съ фонаремъ въ рукахъ, освѣщавшимъ всю эту картину. Вся процессія замыкалась толпою народа, которая, пришедши на мѣсто, расположилась полукругомъ около повозки, или правильнѣе, носилокъ. Вдругъ одинъ отдѣлился отъ толпы съ огромнымъ факеломъ и зажегъ носилки. Въ ту-же минуту изъ числа зрителей вышли двое маютокъ, отъ 6 до 7 лѣтъ, въ самомъ глубокомъ траурѣ, въ бѣлыхъ курмахъ и кафтанчикахъ, обтянутые бѣлыми поясками. Лишь только вспыхнулъ огонь, мальчики, обратившись лицомъ на югъ, бросились на колѣни, и, сложивши руки противъ сердца, начали молиться, кланяясь въ землю, старшій былъ особенно тронутъ, слезы лились по щекамъ его. Огонь пылалъ, музыка гремѣла, возрастая съ силою огня, бумага съ дымомъ улетала на небо, а они, безмолвные и въ слезахъ, молились предъ лицомъ неба и земля. Уже догорали послѣдніе остатки, огонь сталъ стихать, но малютки все молились, стоя на колѣняхъ, и плакали. Наконецъ все сгорѣло, малютки встали, взглянули на небо, куда улетѣлъ послѣдній дымъ потухавшей бумаги, какъ будто тамъ они искали кого нибудь глазами своими, снова пали на колѣни, еще три раза сдѣлали земной по-

клонъ и съ слезами на глазахъ, съ горемъ въ сердцѣ, пошли домой. Нельзя было безъ чувства смотрѣть на этихъ дѣтей, среди ночной тишины съ глубокою скорбію, съ самыми чистыми младенческими слезами, приносившихъ жертву духу отца своего предъ лицомъ неба и земли, предъ глазами людей холодныхъ, которые съ однимъ только любопытствомъ смотрѣли на сиротъ, одинокихъ въ цѣломъ мірѣ. Обрядъ, мною описанный, былъ—сожиганіе въ честь умершаго вещей, имъ любимыхъ. Здѣсь есть обыкновеніе—предъ погребеніемъ тѣла сжигать модели вещей (сдѣланныя изъ бумаги, иногда и настоящія вещи) покойнаго, къ которымъ онъ былъ особенно привязанъ, въ знакъ того, что они, изъ уваженія къ нему, не смѣютъ пользоваться его вещами и въ пещлѣ, разсѣянномъ въ воздухѣ, возвращаютъ духу все доселѣ ему принадлежавшее. По окончаніи этой церемоніи уже выносятъ покойника на кладбище.

Не знаю, примѣръ ли китайцевъ, или что нибудь другое, — только я здѣсь чрезвычайно полюбилъ могильную тишину и мирное спокойствіе кладбища. Сладко, сидя на надгробномъ камнѣ, подъ тѣнію бѣлокораго кедра или кипариса, погружаться въ безотчетное раздумье и переноситься туда и сюда своими мыслями. Если я выѣзжаю за городъ для прогулки, то всегда отправляюсь на свое Русское кладбище взглянуть на безопасную пристань, гдѣ нашли для себя мирный пріютъ бѣдные страдальцы и у гробовъ ихъ занять могильной тишины для своего сердца. Наше кладбище стоитъ на прелестномъ мѣстѣ. На сѣверо-западѣ виднѣются въ туманной дали горы, за которыми скрывается родная дорожка въ родимый край и великолѣпная Буддійская кумирня, съ желто-верхими теремами, съ кучею зданій самой затѣйливой архитектуры, съ златоглавымъ памятникомъ, всегда напоминающимъ мнѣ одну изъ боковыхъ башенъ въ Невской лаврѣ. Съ востока открывается огромная равнина и плацъ, на которомъ бывають смотры и парады здѣшной арміи. На югъ—городъ съ своею стѣною, съ четырехъ-гранными башнями, съ великолѣпными кумирнями и дворцами. Само кладбище имѣетъ очень хорошій видъ: съ одной стороны примыкая къ предмѣстію города, а съ прочихъ будучи совершенно открыто, оно представляетъ глазу полную свободу, расположено въ видѣ

Русской буквы П. Прямо со входу небольшой дворикъ, гдѣ живетъ привратникъ, охраняющій тишину мертвыхъ. Прощедши далѣе, вы выходите на площадку, гдѣ въ сѣверной сторонѣ стоитъ небольшой домикъ для прїѣзда миссіонеровъ; вокругъ нѣсколько кустовъ розъ и другихъ цвѣтовъ. Отсюда предъ вами открывается довольно большая аллея, вся осыпанная зелеными листьями тополя, который даетъ и приятную тѣнь и распространяютъ благоуханіе. Повернувши на востокъ, вы опять приходите на другую площадку, которая вся усажена бѣлокорыми кедромъ, здѣшними кипарисами и пихтою. Здѣсь подъ сѣнію деревъ вкушаютъ покой мирные страдалцы. На этомъ небольшомъ, но хорошо украшенномъ, пространствѣ, въ симметрическомъ порядкѣ возвышаются надгробные бѣлые памятники, съ самыми скромными надписями, начертанными рукою товарищей, съ ними жившихъ и страдавшихъ. Посредствѣ всѣхъ возвышается великолѣпный памятникъ Архимандриту Иматову, котораго почтили своими надписями и самые католики, весьма уважавшіе его за добрую душу и дарованія. Несчастный умеръ накануне прїѣзда новой миссіи.

Но что говорить о мертвыхъ? и такъ мое письмо слишкомъ печально! Сообщу нѣкоторыя свѣдѣнія о христіанствѣ въ Китаѣ... Назадъ тому четыре года умеръ послѣдній католическій епископъ, пережившій здѣсь всѣхъ своихъ сотрудниковъ (его имя—Пиресъ), и умеръ, можно сказать, на рукахъ Русскихъ. Съ нимъ, повидимому, умерло и здѣшнее католическое христіанство. Всѣ главныя здація, построенныя иезуитами и другими монахами, поступили въ казну и въ числѣ ихъ три церкви. На развалинахъ французскаго храма живетъ одинъ китайскій князь. Послѣдніе дни добраго пастыря были непрестанно возмущаемы тяжкими скорбями и онъ часто трепеталъ, если не за свою жизнь, то за жизнь другихъ и собственную честь. Но и въ самую годину искушеній бывали для него отрадныя минуты. Не смотря на всѣ гоненія, воздвигаемыя правительствомъ противъ христіанъ, иногда на праздникъ Пасхи тайно собиралось къ нему въ монастырь тысячъ до двухъ вѣрующихъ, которые, дабы не возбудить подозрѣнія, приходили недѣли за двѣ и такимъ образомъ собирались постепенно, точно также и возвращались. При его жизни

постоянно были воздвигаемы гоненія, и многіе отрекались и снова возвращались въ лоно церкви, а другіе мужественно переносили всѣ истязанія и добровольно отправлялись въ ссылку. Теперь въ тюрьмахъ Пекинскихъ томится уже 30 лѣтъ одинъ мученикъ вѣры. Для большаго униженія христіанству заставляли отрекающихся попираТЬ крестъ. Нынѣ нѣтъ уже ни одного Европейскаго проповѣдника, живущаго въ Китаѣ съ дозволенія правительства; не смотря на то, почти каждый годъ въ разныхъ мѣстахъ пробираются миссіонеры, и мы недавно слышали, будто бы недавно прибылъ въ Китай одинъ итальянскій епископъ съ двумя священниками. Въ окрестностяхъ Пекина есть нѣсколько французскихъ и китайскихъ священниковъ, которые поддерживаютъ дѣло Божіе. На погребевіи епископа, которое совершали Русскіе въ католическомъ храмѣ по Русскимъ обрядамъ, были нѣкоторые изъ вѣрующихъ, хотя имъ грозила будущность. Въ нашемъ подворьѣ живутъ въ услуженіи челоВѣка три Католиковъ. Португальское кладбище, обильное памятниками, въ нашихъ рукахъ. Такъ Католицизмъ нашель пріютъ у Русскихъ, которыхъ онъ гналь. Но какъ бы то ни было, іезуиты весьма много и кровавыми трудами содѣйствовали къ распространенію христіанства, которое и теперь, при всѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, еще сохраняется. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ кажется, что сѣмя брошенное ими было сѣмя горушно. Наша миссія, по причинамъ, на зависящихъ отъ насъ, никогда не можетъ такъ успѣшно проповѣдывать христіанство и ея настоящая обязанность только сохранить то, что едва не погибло...

Но извините, что я по неволѣ долженъ бросить предметъ любопытный. Ей Богу, различныя дѣлишки безпрестанно отрывали меня отъ письма, а теперь совершенно отнимаютъ у меня самыя дорогія минуты: я по неволѣ долженъ ограничиться предметами самыми ближайшими ко мнѣ. Знаете ли, чѣмъ я занимаюсь? или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ намѣренъ заниматься? Въ отзывѣ о занятіяхъ своихъ я представляю нынѣ Департаменту, что въ продолженіи десятилѣтней жизни своей въ Пекинѣ я поставляю для себя въ неизмѣнный и постоянный трудъ — изученіе и составленіе *Исторіи Маньчжурской династіи*. Признаюсь, — предметъ по сердцу моему. Настоящій періодъ, — говоря безъ всякаго преувели-

ченія, не имѣя въ виду даже интереса современности, — есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ въ жизни этого страннаго государства. Одно уже то обстоятельство, что Китай, такое громадное государство, тяжело страждетъ подъ игомъ горсти Манчжуровъ, что болѣе ста лѣтъ онъ непрестанно борется противъ своихъ гордыхъ побѣдителей, нѣкогда бывшихъ презрѣнными вассалами пышнѣйшихъ рабовъ, дѣлаетъ заговоры, коварствуетъ противъ чужой династїи, непрестанно возстаетъ противъ нея; что онъ, имѣя возможность подавить своихъ внутреннихъ враговъ одною многочисленностію, между тѣмъ до сихъ поръ не достигъ своихъ пламенныхъ желаній; — одно уже это обстоятельство сколько представляетъ важныхъ вопросовъ и ведетъ къ какимъ занимательнымъ изслѣдованіямъ? Присоедините къ тому другой не менѣе странный и любопытный фактъ при настоящемъ положеніи дѣлъ Китая, — это необыкновенное распространеніе его предѣловъ, до какого онъ никогда не достигалъ въ самыя цвѣтуція времена: всѣ монгольскія племена, облегающія Китай и Тибетъ, совершенно вошли въ составъ имперїи. Но что особенную цѣну придаетъ этому времени, такъ это вступленіе Китая въ сношенія съ Европою, — новый для Китая фактъ, по который долженъ рано или поздно произвести удивительныя слѣдствія и имѣть вліяніе на будущую судьбу государства. Китай вошелъ въ систему Европейской политики; Китай соединился съ нами торговыми трактатами, и этотъ узелъ такъ крѣпокъ, что онъ также безъ ужасныхъ послѣдствій для себя не въ состояніи разорвать его; я имѣю предъ глазами самыя неоспоримыя и сильныя доказательства. Китайъ въ это время не замѣтно для себя очутился между двумя могущественными государствами, которымъ само Провидѣніе предоставило право дѣйствовать на востокъ, это — наша могущественная, исполнинская Россія и Англія. Однимъ словомъ, настоящая Исторія Китая требуетъ полнаго вниманія. Миѣ предстоитъ пространное поле, но за то не воздѣланное, требующее поту и крови. Трудъ ужасный! Въ Китаѣ ость законъ, — не издавать исторїи извѣстной династїи прежде ея окончанія; итакъ, я самъ долженъ буду рыть и перерывать цѣлые томы и фоліанты указовъ, біографій, описаній и проч. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, придется ограничиться

однимъ устнымъ преданіемъ, —слишкомъ мутнымъ источникомъ. Возмите во вниманіе и то, что Китайцы имѣютъ другой взглядъ на Исторію, что они болѣе записываютъ буквы, а не духъ. Свѣдѣнія, сообщенныя китайскими миссіонерами, разбросаны и слишкомъ недостаточны. Впрочемъ, у меня теперь есть подъ руками одно Европейское сочиненіе: *Geschichte des Oestlichen asiens*, сочиненное von Dr. Joh. Heinp. Plath. 1, 11, theil.; оно важно для меня, какъ сборъ всѣхъ Европейскихъ свѣдѣній о настоящей исторіи и какъ перечень событій. Выпишите ее, братецъ, непременно. Она издана въ Геттингенѣ 1830 года; вѣроятно, есть въ Петербургѣ или Ригѣ. Прочитайте ее и напишите мнѣ, какіе пункты обратили на себя особенное ваше вниманіе. Въ ней изложена исторія Маньчжуріи отъ самыхъ древнихъ временъ до настоящаго Императора Даогуана. Тяжесть труда моего увеличивается еще и отъ того, что я не хочу быть ни простымъ переводчикомъ, какъ до сихъ поръ дѣлалось у насъ, ни однимъ компиляторомъ. Но какъ бы не были тяжелы труды, —я не откажусь отъ своего желанія: не знаю только, утвердить ли мое намѣреніе Азіатскій департаментъ, въ чемъ, впрочемъ, не сомнѣваюсь, хотя не надѣюсь отъ него получить никакой инструкціи по этому предмету. Говоря собственно, мнѣ хотѣлось бы и я стараюсь, если достануть у меня силы и средства, написать исторію не одной Маньчжурской династіи, но и Маньчжуріи. Къ сожалѣнію, мои Маньчжуры были ужасные дураки и не оставили послѣ себя почти никакихъ памятниковъ своей жизни; только, съ вступленіемъ въ Китай, они обратили нѣкоторое вниманіе на первобытную исторію своего государства; вся литература ихъ переводная и едва ли не одна книга у нихъ собственно оригинальная; это древній ихъ Шаманскій обрядникъ, которая теперь у меня подъ руками, сочиненіе интересное по содержанію, или по крайней мѣрѣ по названію. Но едва ли мнѣ удастся разгадать: многія мѣста, по древности языка, то утраченію преданій, необходимыхъ для поясненія, сдѣлались теперь совершенными загадками для самыхъ Маньчжуровъ. Итакъ, вотъ что я назначаю для своихъ ученыхъ трудовъ! Можетъ быть, всѣ десять лѣтъ я проведу только въ собраніи и разработкѣ матеріаловъ. Благословите меня на дѣланіе бла-

гос. Для меня весьма интересно знать ваше мнѣніе о предполагаемомъ мною трудѣ, и я увѣренъ, что съ будущею почтою буду читать его вмѣстѣ съ совѣтами, какъ приступить и приуготовить себя къ великому дѣлу.

Къ великой моей досадѣ, встрѣтившіяся хлопоты помѣшали мнѣ кончить статью *о праздникѣ фонарей*; впрочемъ, Китай такъ бѣденъ и изслѣдованіями и средствами для изслѣдованій о своихъ древнихъ обрядахъ, что просто нельзя сдѣлать ничего порядочнаго. Когда мы останемся совершенно одни, тогда будетъ болѣе времени и для скуки и для трудовъ; во всякомъ случаѣ, будетъ ли худо или хорошо, а начинаю, бросать не хочется. Я не виноватъ, что нѣтъ такихъ источниковъ, какихъ бы хотѣлось и какіе бы нужны были. Къ новому году будетъ почта и я надѣюсь къ тому времени приготовить ее.

Уже давно-давно полночь; перо иступилось, рука устала и даже голова утомилась: противъ воли я долженъ кончать письмо, хотя бы мнѣ хотѣлось къ вамъ писать, и было бы о чемъ. Завтрашній день мнѣ вѣрно не удастся начертать вамъ ни одной строки. Съ нынѣшнею почтою я отправляю пропасть писемъ, — столько во всю жизнь не писывалъ, да, кажется, и не буду! Есть письма по любви и дружбѣ, другія изъ одной благодарности, иныя ex officio, а нѣкоторыя по необходимости. Къ однимъ самому хочется писать, другіе просятъ, нѣкоторые требуютъ, а къ инымъ нельзя не писать... Простите! Надѣлите меня благословеніемъ, любовью, памятью и письмами... Если выйдетъ какая нибудь не слишкомъ многосложная и громадная книга — замѣчательная, а особливо по части исторіи и исторической критики, касающихся до востока: то высылайте въ Кяхту, — я надѣюсь, что мнѣ ее перешлютъ. Пишите объ ученыхъ новостяхъ; я сталъ настоящимъ варваромъ.
